

Т. В. МУСИЕНКО,

начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор политических наук, профессор

МИКРОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Противоречия и неопределенность, непредсказуемость развития структурно раздвоенного мира (bifurcated world), процессы политической фрагментации и развитие современных информационных технологий содействовали тому, что стало возможным появление особой части в этом сложном мультицентричном фрагментированном мире, которая дала толчок быстрому развитию терроризма и террористических организаций как акторов мировой политики. Все более очевидным становится парадокс глобальной демократизации, когда, с одной стороны, усиление неправительственных организаций и неформальных сетей содействует созданию и установлению в современном мире глобального гражданского общества, с другой — этот процесс сопровождается усилением изоционности действий тер-

рористических организаций, преследующих совсем иные, деструктивные цели. С глобальным демократическим политическим процессом начала 1990-х годов и процессом фрагментации мира связывается сегодня возникновение глобальных террористических сетей, например сети Аль-Каиды, развернувшейся более, чем в 20 странах мира¹.

Уолтер Лафебер связывает эскалацию терроризма с триумфализмом США как одного из ключевых акторов современной мировой

¹ *Crelinstein R. Terrorism and Counter Terrorism in a Multi-Centric World: Challenges and Opportunities // The Future of Terrorism / Eds. Max Taylor and John Horgan. L. etc.: Frank Cass, 2001. P. 177–178; La Feber W. The Post September 11 Debate Over Empire, Globalization, and Fragmentation // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117. № 1. P. 1–6.*

политики. Весьма осторожно оценивается перспективность американской стратегии обеспечения общей безопасности на основе борьбы с международным терроризмом с опорой на концепцию контртерроризма. Дискурс безопасности настолько сложен, что не может быть ограничен тем или иным узким смыслообразующим значением.

Период глобализации отмечен появлением принципиально новой концепции безопасности — концепции человеческой безопасности (the Concept of Human Security: HS). Канада, Норвегия, Япония стали мировыми лидерами, первыми инкорпорировавшими концепцию HS в качестве основы официальной политики своих государств на мировой арене¹.

Уже в начале 1990-х годов обозначился переход от государствоцентричной концепции национальной безопасности к мегауровневой концепции общей безопасности и микроориентированной концепции человеческой безопасности как основы современной мировой политики. Такой микроориентированный подход нашел отражение в программных документах ООН. В самой концепции HS в фокус внимания был помещен аспект безопасности человеческой жизни и достоинства личности. В ней определились четыре сущностные характеристики: универсальный характер, взаимозависимость всех компонентов, превентивный характер мер по обеспечению HS, концентрация внимания на интересах людей, личности.

Модель ООН включает семь параметров безопасности человека. Это экономическая, политическая, общественная, личная безопасность, безопасность окружающей среды, питание, здоровье.

Джордж Неф предлагает альтернативную классификацию компонентов HS, состоящую из пяти параметров: экология и окружающая среда, экономика, общество, политика, культура. Джордж Маклин обосновывает многоуровневую концептуальную модель HS, в которой индивидуальная безопасность учитывает характеристики непосредственного окружения личности, ее общественные связи, а также более широкое окружение (внешнюю среду)².

¹ King G., Murray Ch. J. Rethinking Human Security // Political Science Quarterly. 2001–02. Vol. 116. № 4. P. 586–590.

² Ibid., P. 589, 591; Neff J. Human Security and Mutual Vulnerability: The Global Political Economy of Development and Underdevelopment / 2nd ed. Ottawa: International Development Center, 1999; MacLean G. The Changing Perception of Human Security: Coordination National and Multilateral Responses: The United Nations and the New Security Agenda. United Nations Association in Canada. 10 March. 2001. (<http://www.unac.org/canada/security/maclean.html>).

Гарри Кинг выдвигает концепцию HS, предусматривающую четыре основные стратегии обеспечения безопасности человека в глобальном мире: а) стратегия оценки рисков (risk assessment), б) стратегия превентивных действий (prevention), в) стратегия защиты (protection), г) стратегия компенсации (compensation)¹.

Исследователями разрабатываются межсетевые модели обеспечения безопасности (Legal Inter-Network for Terrorism), исходящие из того, что управление терроризмом должно опираться в целом на концепцию человеческой безопасности, учитывающую как бихевиоральные, так и институциональные аспекты стратегии HS. Майкл Дартнелл полагает, что глобальное управление терроризмом возможно через создание международных сетей, легитимно ограничивающих распространение терроризма на всех уровнях (международном, национальном, общественном, региональном, личном). Институциональная составляющая межсетевой модели противодействия терроризму предстает сложным комплексом соглашений, направленных на противодействие особым типам поведения (behaviors), сопровождающегося применением насилия; на защиту личной безопасности (individuals); на установление контроля за использованием материалов, представляющих опасность для жизни человека (materials), таких как биологическое и химическое оружие, ядерные материалы, взрывоопасные вещества и токсическое оружие².

Джин Натсон обосновывает положение о существовании психологических факторов, сдерживающих террористическое поведение на микроуровне, упоминает об «имплицитных (скрытых) правилах игры» (implicit rules of games), сдерживающих действия террориста, в частности, в случаях, когда речь идет о применении насилия³.

Уолтер Лакуэр, будучи склонным рассматривать терроризм не как идеологию или политическую доктрину, а как метод насилия или угрозы насилием, используемый для создания и распространения панических настроений, способных привести к политическим изменениям, выделяет в качестве отличительной черты нового глобального терроризма

¹ King G., Murray Ch. J. Rethinking Human Security // Political Science Quarterly. 2001–02. Vol. 116. № 4. P. 604–608.

² Dartnell M. A Legal Inter-Network for Terrorism: Issues of Globalization, Fragmentation and Legitimacy // The Future of Terrorism / Eds. Max Taylor and John Horgan. L. etc.: Frank Cass, 2001. P. 197–208.

³ Knutson J. The Terrorist' Dilemmas: Some Implicit Rules of the Game // Terrorism: An International Journal. 1980. № 4. P. 195–222.

прежде всего фанатизм, который играет центральную роль в исполнении террористических миссий самоуничтожения и имеет как психологические, так и культурные корни¹.

Характерно, что реалистическое крыло террологов также склонно придавать существенное значение психологическим и отчасти идеологическим аспектам терроризма. А. Мерари полагает перспективной разработку курса мотивации (*motivation*) террористического поведения и обосновывает два основных направления анализа: изучение идео-

логии, оправдывающей применение насилия со стороны тех или иных социальных групп, и определения психологических стимулов и побуждений, толкающих людей на насильственные действия¹.

Все более очевидной становится необходимость разработки научно-исследовательских программ изучения терроризма, учитывающих современные достижения и тенденции развития микроуровневых исследований поведения личности в рамках психологического, социологического, микрополитического подходов.

¹ *Laquer W.* Left, Right, and Beyond: The Changing Face of Terrorism // How did this Happen? Terrorism and the New War / eds. James F. Hoge Jr. and G. Rose. N. Y.: Public Affairs. 2001. P. 71–82.

¹ *Merari A.* Terrorism As a Strategy of Struggle: Past and Future // The Future of Terrorism / eds. M. Taylor and J. Horgan. L.: Frank Cass, 2001. P. 52–65.